

Саламбек Хаджиев: «Внедрение имеющихся разработок позволит России осуществить технологический прорыв»

Саламбек Наирович, вы были министром нефтехимической промышленности СССР. Что этому факту предшествовало в вашей личной биографии и какие воспоминания у вас остались о советской промышленности?

— Министром химической промышленности я был недолго. А до этого работал в химическом комплексе 30 лет. После окончания Грозненского нефтяного института стал исследователем-стажером в

научно-исследовательском институте. Затем учился в аспирантуре Московского университета при лаборатории нобелевского лауреата Цимлянова Николая Николаевича. Защитил кандидатскую диссертацию по физике элементарных стадий химических реакций. Затем снова работал в ГрозНИИ, где прошел путь от младшего научного сотрудника до директора института, которым стал в 1983 году.

Затем — должность генерального директора НПО «Грознефтехим», объединявшего НИИ, опытное производство и несколько заводов. Это было научно-производственное объединение, где во главе стояла наука.

Затем меня избрали народным депутатом и членом Верховного Совета СССР, а в 1991 году назначили министром химической и нефтехимической промышленности СССР.

Хаджиев Саламбек Наирович родился 7 января 1941 г. в селе Шали Шалинского района Чеченской республики. В 1957 г. после окончания средней школы поступил на технологический факультет Грозненского нефтяного института. В 1962 г. завершил учебу в институте с присвоением квалификации инженера-технолога по специальности «технология нефти и газа, нефтехимия». С 1962 г. по 1964 г. работал в Грозненском нефтяном научно-исследовательском институте. В 1964 г. поступил в аспирантуру химического факультета МГУ им. Ломоносова на кафедру химической кинетики, руководимой академиком Семеновым Н. Н. В 1967 г. завершил учебу в аспирантуре с защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата химических наук по специальности «химическая кинетика и катализ». С 1967 г. по 1991 г. работал в Грозненском нефтяном научно-исследовательском институте (ГрозНИИ) в должностях старшего научного сотрудника, заведующего сектором, заведующего отделом, заместителя директора института, директора института (с 1983 г.). С 1987 г. работал директором ГрозНИИ — генеральным директором научно — производственного объединения «Грознефтехим». В 1991 г. был назначен Министром химической и нефтехимической промышленности СССР. С января 1992 г. после распада СССР вновь работал директором ГрозНИИ — генеральным директором «Грознефтехим». В январе 1995 г. избран Председателем Правительства Чеченской республики, в октябре 1995 г. назначен на должность Председателя Государственной комиссии РФ по промышленной политике. В декабре 1996 г. избран заведующим лабораторией Института нефтехимических процессов им. академика Топчиева РАН. В этой должности работал до января 2008 г. В январе 2008 г. назначен исполняющим обязанности директора этого института, а в июне 2008 года директором. Является главным редактором журнала «Нефтехимия» РАН, Председателем Научного совета по нефтехимии РАН, членом бюро Научного совета по катализу РАН. В 1981 г. защитил докторскую диссертацию на химическом факультете МГУ им. Ломоносова по специальности «химия нефти и нефтехимический синтез». В 1990 г. избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР по отделению общей и технической химии, в мае 2008 года — действительным членом по отделению химии и наук о материалах. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета. Является Почетным нефтехимиком СССР и Болгарии, Почетным работником ТЭКа РФ, заслуженным деятелем науки и техники Чеченской республики. Женат. Трое детей.

Вы заняли должность министра в смутные времена...

— Это было до путча. Кстати, во время путча только два министра отказались подчиниться ГКЧП, одним из них был я, вторым — министр природоохранного министерства.

Саламбек Наибович, каково было руководить перерабатывающим комплексом всего Советского Союза?

— Это был громадный комплекс, включающий около тысячи предприятий, в том числе и НПЗ. Всего в структуре химической и нефтехимической промышленности работало полтора миллиона человек. По объему выпускаемой продукции в стране комплекс занимал второе-третье место.

Каков был технологический состав комплекса, что можно сказать об уровне оборудования в конце XX века?

— Мы очень много строили, постоянно обновляли технологический состав, и оборудование находилось на самом высоком уровне. Проблема была в другом. Вместо того чтобы устроить конкуренцию на рынке сбыта продукции, тогдашняя власть в лице первых лиц устроила конкуренцию между людьми. На всех предприятиях, не только нефтеперерабатывающих, начались выборы и переборы директоров собственными трудовыми коллективами. Фактически власть устроила конкуренцию между «добрыми» и «недобрыми» начальниками, вместо того чтобы устроить рыночную конкуренцию качественной и некачественной продукции. В результате по всей стране произошла замена высшего кадрового состава по принципу комплиментарности, и начался развал производства.

В то же самое время, в области ВПК были созданы конкурентные условия, в

приятными химического комплекса Союза, с тем чтобы сформировать общесоюзный холдинг, акционерное общество, в

котором представитель каждой республики имел бы своего представителя, с централизованным сбытом готовой продукции. Этот подход поддержали Казахстан в лице Назарбаева, Закавказье, Узбекистан, прибалтийские республики одобрили идею. Такая система позволила бы сохранить не только научные, производственные связи, но и кадровые ресурсы, выдержать давление, которому подвергалась промышленность в переходный период. Однако собрались три человека и решили, что жить мы все будем по отдельности, «начиная со вчерашнего дня». После того как прошел парад суверенитетов, «наверху» были приняты решения, направленные на разрыв связей и прекращение централизованного управления. Я был не согласен с этим категорически и ушел, несмотря на то, что Аркадий Вольский, которого я глубоко уважаю и с которым мы навсегда остались друзьями, пытался противодействовать возникшей тенденции и просил меня остаться.

В тот период я вернулся в Грозный и продолжил работу в «Грознефтехиме».

Что произошло с комплексом ГрозНИИ во время чеченских войн? Он перестал существовать? Когда вы переехали в Москву?

— Почему же перестал? Он существует и сейчас. Но когда в Грозном начались бомбежки, там, конечно, стали не нужны профессора и прекратилось всякое развитие. Добыча шла, переработка про-

В Институте нефтехимического синтеза РАН работает 28 лабораторий в трех базовых направлениях: нефтехимия, полимерная химия, мембранные технологии.

которых различные КБ жестко боролись за получение госзаказа. Поэтому продукция военного назначения даже в те годы соответствовала самым требовательным стандартам и демонстрировала высочайшее качество.

Почему вы ушли из правительства в 90-е годы?

— Это непростой вопрос. Когда началась перестройка и страна направилась к рынку, я создал условия для подписания отраслевого договора между всеми пред-

котором представитель каждой республики имел бы своего представителя, с централизованным сбытом готовой продукции. Этот подход поддержали Казахстан в лице Назарбаева, Закавказье, Узбекистан, прибалтийские республики одобрили идею. Такая система позволила бы сохранить не только научные, производственные связи, но и кадровые ресурсы, выдержать давление, которому подвергалась промышленность в переходный период. Однако собрались три человека и решили, что жить мы все будем по отдельности, «начиная со вчерашнего

Члены оргкомитета Московского международного химического саммита направляются в президиум форума. Слева — Бусыгин Владимир Михайлович, справа — Хаджиев Саламбек Наибович

должалась довольно долго. На одной площадке функционировало три нефтеперерабатывающих завода и нефтехимический комбинат. «Грознефтехим» перерабатывал 20–21 миллион т нефти — это был один из крупнейших промышленных центров на всем постсоветском

Наши каталитические системы не уступают зарубежным, превосходя их по базовым параметрам. Попытки освоить отечественные разработки закончились блестящими результатами.

пространстве. После первой чеченской войны, в 1995 году, комплекс частично прекратил работу. Тогда еще предприятия было легко восстановить, поскольку военные действия практически не затронули промышленные объекты. Но после 95 года, когда ситуация стала ухудшаться, всю промышленную площадку разрезали на металлолом и увезли.

Кто занимался «переплавкой» грозненского комплекса? Известно ли вам о планах республики, есть ли намерение восстановить его на прежнем месте?

— Разрезанием заводов и вывозом их в виде лома, по частям, занимались все: как федералы, так и местные бизнесмены вместе с гостями из северных регионов.

Сейчас речь идет о восстановлении перерабатывающего комплекса на прежнем месте, но перед республикой стоят пока другие задачи. Нужно поселить и накормить людей: по всей Чечне заново строятся города.

Нефтяной комплекс практически

восстановлен. Добыча ведется почти в прежнем объеме компанией «Роснефть».

Вернувшись в Москву, вы продолжили работу в общероссийской академической системе. Расскажите, пожалуйста, об этом периоде своей биографии.

— По прибытии в Москву я начал работу в Институте нефтехимического синтеза РАН под руководством Николая Альфредовича Платэ. При поддержке ученого совета в 1993 году я создал лабораторию № 19, сначала небольшую. Это была лаборатория нефтехимических процессов. Примерно три года назад она объединилась с лабораторией каталитического синтеза на основе оксида углерода, так называемой лабораторией Башкирова — очень известной в стране. Теперь я воз-

главлю объединенную лабораторию — нефтехимического синтеза и каталитических процессов. Лаборатория занимается активными процессами нефтехимии, нефтепереработки, которые реализуются с использованием молекулярных сит.

Сколько всего лабораторий в Институте нефтехимического синтеза? Как можно определить специализацию института?

— Сегодня в институте действует 28 лабораторий. Институт специализируется по трем направлениям: собственно нефтехимия — пять-шесть лабораторий, полимерная химия — столько же подразделений, и мембранные технологии. Вообще, современная каталитическая химия в основном мыслится как мембранный процесс. Отцом мембранного катализа стал наш соотечественник — академик Владимир Михайлович Грязнов. Он возглавлял лабораторию мембранного катализа и Совет по нефтехимии Российской академии наук и считается одним из основателей мировой каталитической химии.

Кроме трех китов — нефтехимии, полимеров и мембран — есть в институте традиционные аналитические направления исследований. Мы разрабатываем фундаментальные основы нефтехимических процессов и систем.

Развивается ли в институте такое новое и востребованное направление, как газохимия?

— Да, этим направлением мы занимаемся интенсивно, и, в общем-то, уже не отделяем его от нефтехимии. Процессы настолько развиты и исследованы, что нам безразлично, из чего синтезировать соединения. Если вы дадите газ, мы сделаем из него все то же, что можно получить из нефти. Дадите прямогонный бензин, мы из него тоже получим линейную олефинов.

Как бы вы могли охарактеризовать ситуацию на российском рынке полимеров? Не кажется ли вам, что наши компании увлеклись выпуском так называемых базовых видов полимеров, в то время как Запад активно развивает производство новых и более сложных разновидностей материалов?

— Я так не считаю. Конечно, нужно смотреть в будущее и планировать выпуск сложных полиолефинов, но занять собственный крупнотоннажный рынок простых полимеров — первая задача.

Другое дело, что каталитические системы для выпуска даже базовых полимеров приобретаются на Западе. Происходит это не потому, что Россия не располагает собственными процессами. Наши каталитические системы не уступают зарубежным, а в ряде случаев превосхо-

дят их по базовым параметрам. Российским катализаторам для выпуска полиэтилена в мире нет аналогов. Проблема состоит в том, что у нас, в России, отсутствует инженерное звено и отсутствует сервис — почти все проектные институты были, как вы знаете, уничтожены в «переходный период».

Российская химия выглядит совершенно достойно — как в технологиях, которые внедрены, так и в заделах, которыми обладает Академия наук.

Наши заводы не могут ждать, пока в стране восстановится инновационная цепочка и появится снова «окровская» часть внедрения. Тем не менее, попытки освоить отечественные разработки делались, и они закончились блестящим результатом. Посмотрите, Нижнекамск с использованием отечественных катализаторов задавил западные компании в выпуске галобутилкаучуков — конкуренты вынуждены были свернуть свои производства. Мы выпустили в Томске сверхвысокомолекулярный полиэтилен по технологии, опережающей мировые аналоги. И таких «историй успеха» могло бы быть на два порядка больше, если бы в стране действовало несколько крупных инжиниринговых центров, занятых проектированием мощностей на базе имеющихся процессов.

Почему прекратили существование отраслевые институты? Что такого особенного в российской экономике, что мы не можем построить столь выгодный бизнес, каким является инновационный процесс?

— Здесь речь идет о сравнении западной «успешной» традиции и «неудачной» нашей. Надо понимать, что становление

внедренческих структур на Западе было другим. Компания, разработавшая эффективный процесс, продавала на него лицензию. На деньги, полученные от использования лицензии, делались новые разработки, и так далее — по нарастающей. Таким образом создавалась рыночная система финансирования инженер-

ных ресурсов. В нашей стране это направление прекратило существование одновременно — вчера НИИ финансировались из госбюджета, а сегодня нам заявили: «Вы перешли на рыночные рельсы» и прекратили давать деньги. Люди десятилетиями получали зарплату и сдавали государству все, чего достигли, не понимая связи между деньгами и своими разработками. И вдруг им говорят: денег у вас больше нет, и все, что вы создадите, начиная с сегодняшнего дня, продайте когда-ни-

Если заставить ученых строить промышленные установки, то они перестанут заниматься исследованиями, и через три года в России нечего будет внедрять.

будь и кому-нибудь сами. Этот переход был совершенно непродуманным. Его никто не планировал и не прогнозировал. А последствия стали катастрофическими. Фактически решения власти привели к уничтожению научно-внедренческой системы. Некоторым институтам повезло — например, ГрозНИИ сумел продать в Германию лицензии на две имеющиеся разработки, которые на тот момент не

утратили новизны — каталитического крекинга и этилбензола на цеолитах, и жил на эти деньги шесть-семь лет. Но в такой ситуации оказались немногие, ведь освоение эффективных схем, изобретений, открытий в современном индустриальном обществе происходит очень быстро.

Сейчас идет восстановление инженерных центров. Но без задела, практически с нуля, сделать это крайне сложно. Власть должна осознать свою ответственность за создавшееся положение и свою роль в этом процессе, содействовать заполнению возникшего пробела.

Все чаще раздаются голоса — дескать, Академия наук должна сама научиться внедрять свои разработки, превращать новые реакции, процессы — в колонны и реакторы. Но это тупиковое направление. Я могу заставить ученых своего института рисовать чертежи и строить промышленные установки, но тогда они перестанут заниматься химией, и через три года в России нечего будет внедрять. Даже у великих Курчатова и Королева, ставших организаторами про-

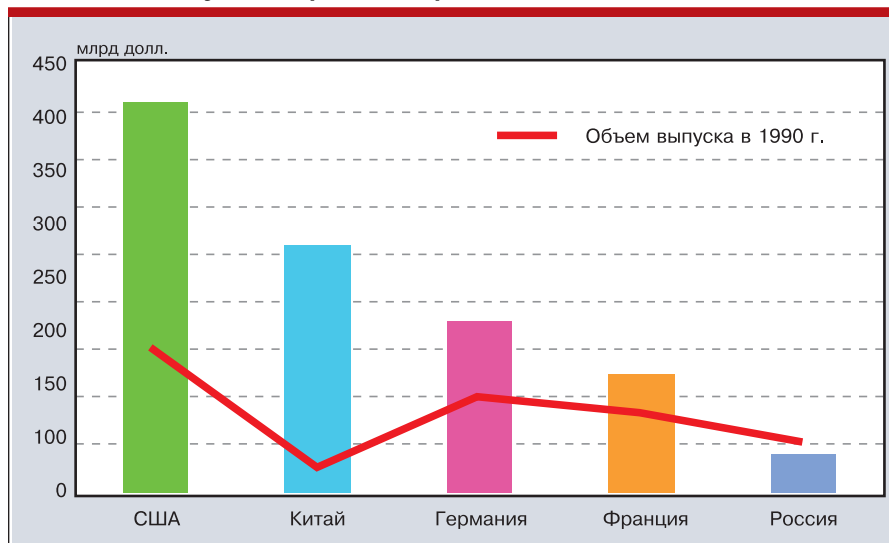
мышленных отраслей, были за спиной целые институты, ведущие фундаментальные исследования и обеспечивавшие сотнями изобретений новые направления. Именно поэтому оказался возможен наш прорыв в атомной энергетике и в космонавтике.

О многих ли разработках в возглавляемом вами Институте нефтехимического синтеза — вы можете сказать, что они являются опережающими и могут быть внедрены в современной промышленности? Как у вас обстоят дела с коммерциализацией?

— Из ста примерно разработок, ведущихся нашим институтом, по крайней мере десять имеют высший мировой уровень и при соответствующем подходе могут осуществить прорыв в тех технологических направлениях, к которым они принадлежат.

Из тех, которые были уже озвучены на широкую аудиторию, в полимерном направлении могу назвать синтетическую гуттаперчу. В области мембранных процессов с несколькими своими изобретениями мы участвуем в международной программе, результатом чего станут несколько патентов, которые мы поделим с голландцами. Наши ученые вкладывают в совместное предприятие новые процессы, а голландская сторона предоставляет опытно-конструкторские, внедренческие ресурсы и финансирование. Аме-

Диаграмма 1. Объемы выпуска продукции химии и нефтехимии в 2006 г. в ведущих странах мира

риканская Corium International Inc. ежегодно реализует в США наши разработки в области полимеров, и институт получает оттуда royalties.

В значительной мере именно гранты и отчисления от продажи лицензий, которые мы получаем от западных компаний, позволяют институту закупать новые лабораторные установки и продолжать исследования.

Сегодня три основных источника финансирования в нашем институте распределяются следующим образом — бюд-

поняли, что на Западе нас вовсе не ждали с чемоданами денег, в том числе потому, что мы не умеем продавать себя, а принимающая сторона умеет ставить жесткие условия, и многие из уехавших уже вернулись.

В наших институтах отсутствует сегодня среднее звено. Есть молодежь, пришедшая в науку в новые времена, им 25 лет, и есть 55-летние специалисты — из тех, кто выдержал или не нашел себе другого применения в тяжелые времена. А средний слой, 30–40 лет, практически

насытились и начали отдавать специалистов в НИИ. Лет через пять нам будет доставаться довольно много.

Постепенно мы кадровую проблему решаем.

Если бы существовало сейчас министерство химической и нефтехимической промышленности, а вы были министром, какие шаги вы бы предприняли для ускорения прогресса в научно-производственной практике?

— Будь я у руля, я бы повысил, или, точнее сказать, вернул самостоятельность Академии наук. То, что пытаются сделать система, забирая Академию под контроль, подразумевает под собой простую мысль: «Мы, чиновники, честнее, чем Академия наук». Почему депутаты или сотрудник министерства воображают себе, что они честнее ученого потратят деньги на оборудование и лаборатории, чем ученые, которым надо на этом оборудовании работать? Почему чиновник считает, что он больше думает о Родине, чем лауреат Нобелевской премии Алферов? Но считает...

Если бы была моя власть — я бы решил вопрос субординации и вернул Российской академии наук самостоятельность.

Я бы сказал: «Мы не умнее вас, и вы не глупее нас — но занимайтесь своим делом. Вы так же дорожите интересами своей страны, и у вас много работы — кроме того, чтобы ежеминутно контролировать Академию и решать, куда ей тратить научные деньги». Эта абсурдная позиция власти: «Я люблю свою страну чуть больше, поэтому буду тебя на всякий случай душить, чтобы ты не побежал куда-нибудь не туда».

И самое главное, конечно, — необходимо увеличить финансирование российской науки — не на уровне двух-трех модных направлений, а по всем участкам науки, задействованным в экономике и народном хозяйстве.

Объем финансирования всей науки в России составляет 0,1–0,2 % от ВВП, в США на эти цели тратится 4 % национального продукта. Разница в абсолютных значениях составляет порядка.

ли себе сами вузы — для работы в лабораториях, для пополнения преподавательского состава. Сейчас лучших выпускников Химико-технологического университета, химфака МГУ, Института тонких химических технологий, Губкинского института разбирают раньше, чем они успевают добраться до нас. И сами дети предпочитают оставаться в институтах, университетах — там более привычная для них обстановка, жизнь проходит в общении и кажется более интенсивной. Только сейчас вузы немного

При тех громадных финансовых накоплениях, которые появились у страны благодаря росту цен на нефть, мы тратим на исследования в процентах от ВВП — в разы меньше, а в абсолютных цифрах — в десятки и сотни раз меньше, чем другие индустриальные страны.

Финансированием фундаментальной науки в развитых странах занимается государство. Если объем финансирования всей науки в России составляет 0,1–0,2 % от ВВП, то в США на это тратится 4 % национального продукта. Разница в

Средний слой научного кадрового состава (30–40 лет) практически полностью вымыт — эти люди ушли в бизнес, строить нашу новую экономику.

жет дает 50 %, контрактные работы — около 20 %, российские и зарубежные гранты составляют 30 % доходов института.

Пытались ли вы продавать лицензии в России? Ощущаете ли вы изменение отношения к отечественным технологиям со стороны российских предприятий?

— Я думаю, что предприятия готовы покупать отечественные технологии. Но мы не готовы их продавать. Продавать в том виде, в каком они пригодны к внедрению. Ведь когда наш процесс облакается в технологическую схему в недрах западной инженерной компании, готовая технология стоит колоссальных денег, и разницы между «частично российской» разработкой и «чисто западной» уже нет. Использование собственных инжиниринговых ресурсов позволило бы, во-первых, резко снизить цену инноваций на внутреннем рынке, во-вторых, вывести на этап внедрения множество «заготовок», замороженных в недрах академии на уровне сотен исследовательских лабораторий и институтов, не попавших пока в струю коммерциализации.

Только отдельные сотрудники РАН, одаренные не только как ученые и изобретатели, но способные к организации цепочек, понимающие рынок, умеющие организовать производственное взаимодействие, преодолеть административные барьеры — а таких людей единицы — сумеют в нашей системе «вытащить» и довести изобретение до промышленного производства. Иначе — и мы это наблюдаем — большинство разработок остаются «в пробирке».

Какова ситуация с научными кадрами в системе РАН? Продолжают ли наши разработчики уезжать за рубеж?

— Нет. Все, кто могли уехать, уже уехали. Уехало довольно много. Однако многие

Химический саммит в марте 2008 года. Слева — Хаджиев Саламбек Наибович, справа — Моисеев Илья Иосифович

абсолютных значениях, как вы понимаете, составляет уже порядки.

При этом нам говорят: «Родина требует, родина зовет, не отставайте, ребята». Ну мы и стараемся не отставать. Однако не унижайте нас своей подозири-

лишь увеличивает уровень коррупции.

Что касается инженерных центров, о которых в этом году шла речь в Московском международном химическом саммите, то их нужно непрерывно создавать, и это должно стать важнейшим

Необходимо увеличить финансирование российской науки — не на уровне двух-трех модных сегментов, а по всем направлениям, задействованным в экономике и народном хозяйстве.

тельностью и искусственной заботой, из-за которой даже те деньги, которые прописаны в бюджете, не доходят до ученых.

На Западе основным способом финансирования фундаментальной науки является система грантов. И это наша третья проблема. Наша система грантов создана по аналогии с той, которая применяется во всем мире. Но имеется одна деталь. Такая система хороша, когда есть развитое гражданское общество, есть развитые и свободные средства массовой информации, которые контролируют деятельность чиновников день и ночь, имеется развитое достоинство у людей, у граждан, чтобы было можно свести к минимуму коррупцию. В тех случаях, когда эти исходные посылки отсутствуют, копирование западных схем превращается в пародию. Бездумное и одностороннее копирование западных систем приводит к тому, что появляются дополнительные направления бюджетного финансирования, но финансирование это не приводит к результату, а

направлением государственной политики. Говорить об инновационной экономике и не создавать собственное внедренческое звено, которое было разрушено самим же государством, надеяться, что рынок сам возьмет и восстановит его — это абсурд.

В этом секторе необходимы длинные инвестиции, при этом уже на старте необходима высокая оплата труда и высокие капитальные затраты. Чтобы построить один из первых таких научно-внедренческих центров на Ленинском проспекте, «Юкос» вложил 100 миллионов долларов, и это — по ценам 2001 года, и это — только чтобы приступить к работе. А стране нужны десятки и даже сотни подобных центров. Только в ведении министерства химической и нефтехимической промышленности находилось более 100 научно-исследовательских институтов, каждый из которых способен загрузить работой несколько внедренческих центров!

И мы обязаны это сделать. Ведь мы держава, претендующая на ведущие по-

зиции в экономике мира. Мы и сегодня занимаем 6-7 место в мире по объемам производства. А внедрение уже имеющихся разработок позволит России осуществить технологический прорыв.

Вы наблюдаете экономическую ситуацию в развитии, знаете о существовании и состоянии всех системообразующих факторов инновационного цикла. Как скоро, в течение какого времени мы сможем конкурировать с Западом в вопросах внедрения собственных технологий?

— Мы уже конкурируем с Западом, и всегда достойно конкурировали. В основе комплекса производств в Нижнекамске лежит высокоэффективная технология каталитического крекинга. Технология висбрекинга, применяемая на Омском НПЗ, — также отечественная. Этилбензол на «Салаватнефтеоргсинтезе» выпускается по отечественной технологии. И так далее — на сотнях предприятий, этот ряд можно продолжать очень долго. Мы и сейчас выглядим совершенно достойно — как в технологиях, которые внедрены ранее и сохраняют современный уровень, так и в тех заделах, которыми обладает Академия.

Мы понимаем, что нам нужно, чтобы сделать рывок, залатать недавние раны, и начали соответствующую подготовку, ждем только, когда правительство присоединится к нам. Если перечисленные выше тактические вопросы будут решены — а движение в этих направлениях есть — главным препятствием в ближайшее время станет проблема кадров и проблема доверия власти.

Нас слишком мало для такой большой страны. Нас 145 миллионов всего. И очень мало детей. Поэтому я был чрезвычайно рад, когда на уровне высшего руководства страны демографический вопрос был поднят и назван ключевым.

И вторая стратегическая, политическая задача, которую можно решать только на уровне первых лиц и высшего руководства — не нужно увозить деньги из страны, инвестиции надо вкладывать в собственное государство. Мы нуждаемся в том, чтобы бизнес, граждане — поверили в свою страну. Власть должна вызывать у людей доверие и уважение.

Не может быть власти, которую бы не критиковали. Но замечания в адрес уважаемой власти — это одна критика, а претензии к власти, которую ты не уважаешь и которой ты не доверяешь — совсем другая критика. Сейчас нами управляет такая власть, большинство представителей которой, за исключением двух-трех лиц, не вызывают уважения у народа. Я мечтаю о моменте, когда я смогу верить и люди вокруг меня будут верить не только одному человеку, но всей системе. ■